



Всез. Москва. - 2002 - 16 окт. - с. 5.

КОКАИНЕТОЧКА АЛЕКСАНДРА ВЕРТИНСКОГО,

или Как Александр Сергеевич помог «завязать» Александру Николаевичу

Ольга ДАВИДОВА

Сказать, что он великий артист — это не сказать ничего. Сказать, что певцов и артистов было много, но **ОН ОДИН ТАКОЙ**, — тоже, в общем-то, не сказать главного.

Его просто надо слушать. Услышать один раз — и если вас «ушибет» Вертинским, то это на всю жизнь.

Меня ушибло по молодости лет — и навсегда. От какого-то дальнего родственника достались в наследство пленки-бобины и пластинки «на ребрах». Господи, какое там было качество... но сквозь этот жуткое шипение-шипение немислимо-нездешний Кто-то надменно-томно грассировал-выговаривал неслыханные слова!

Слова были прекрасные, обольстительные, печальные, яростные, насмешливые, губительные... вот какие это были слова! Музыка? Ее не было слышно.

Он сам и был — музыка!

«Так не плачь же, не стой, моя одинокая деточка,

Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы...

Лучше синюю шейку свою затяните потуже горжеточкой

И ступайте туда, где никто вас не спросит, кто вы...»

И — наповал!

Потом были «Чужие города», и «За кулисами», и «Прощальный ужин», и, конечно, вот эта — «Я не знаю зачем, и кому это нужно, кто послал их на смерть...» «На смерть юнкеров» — так была обозначена эта песня-новелла рукой моего покольного родственника на коробке с пленкой. Хотя вообще-то называется она «То, что я должен сказать».

...Но почему-то именно «Кокаинеточка», сквозь тот ужасный сип и хрип на пленке каждый раз заставляет сжиматься сердце... может, оттого, что и в моей жизни был момент, когда только и оставалось, что потуже затянуть на горле узел... а, с другой стороны — у кого из нас не бывало в жизни такого «стояния на краю»?

Что спасло меня? Не знаю. Не буду врать: не он, не Вертинский. Не музыка, не песня, не волшебная сила, так сказать, искусства!

Меньше лжи — больше веры: спас страх. Простой и первобытный, человеческий страх. Инстинкт самосохранения. И нечего лукавить насчет силы воли и прочих глупостей — страх! Тот самый, что когда-

то спас, кстати сказать, и самого Александра Николаевича. От того же самого кошмара: наркотиков.

Он сам и вспоминал об этом — честно и без лукавства насчет «силы воли» и прочей ерунды... вспоминал о своей молодости, о времени Серебряного века и декаданса, заката империи, последних мирных годах перед грядущими уже войнами и революциями — предгрозовых, глухих и страшных годах России...

«...Вот тут-то и появился кокаин.

Кто первый начал его употреблять? Откуда занесли его в нашу среду? Не знаю. Но зла он наделал немало.

Продавался он сперва открыто, в аптеках, в запечатанных коричневых баночках, по одному грамму, самый лучший, немецкой фирмы «Марк», стоил полтинник грамм... потом его запретили продавать без рецепта, и доставать его становилось все труднее, его уже продавали с рук — нечистый, пополам с зубным порошком, и стоил он в десять раз дороже. После первой понюшки на короткое время ваши мозги как бы прояснились, вы чувствовали необычайный подъем, ясность мысли, бодрость, смелость... вы говорили остроумно и ярко, жизнь со своей прозой, мелочами, неудачами как бы отодвигалась куда-то, исчезала и больше не интересовала вас...

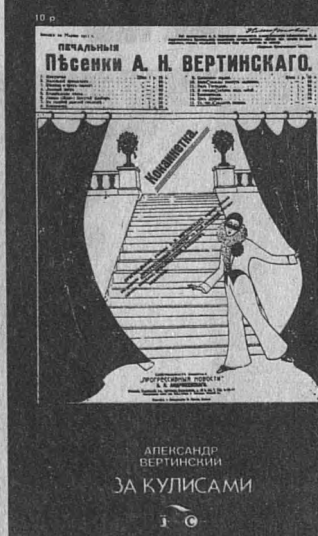
Дальше, все учащая понюшки, вы доходили уже до степени полного отупения. И так и сидели, белый, как смерть, с кроваво-красными губами, кусая их до боли. Острое желание причинить самому себе физическую боль едва не доводило вас до сумасшествия...

Кокаин был проклятием нашей молодости... Помню, однажды я выглянул из окна мансарды, где мы жили, — окно выходило на крышу — и увидел, что весь скат крыши под моим окном усеян коричневыми пустыми баночками из-под «марковского кокаина»... Сколько их было? Я начал в ужасе считать...

И в первый раз в жизни я испугался. Мне стало страшно! Что же будет дальше? Сумасшедший дом? Смерть? Паралич сердца? А тут еще галлюцинации... я уже жил в мире призраков!

Я вспомнил, что среди моих знакомых есть знаменитый психиатр — профессор Баженов. Я вышел на Тверскую и решил ехать к нему...

А потом, как написал в своей



книге воспоминаний «Я артист» Александр Николаевич, была «последняя капля»: в трамвае на Тверской он встретил ни много ни мало... Александра Сергеевича Пушкина. Галлюцинация!

«...Пушкин вынул большой медный старинный пятак.

— Александр Сергеевич, — тихо сказал я, — кондуктор не возьмет у вас этих денег! Они старинные!

Пушкин улыбнулся.

— Ничего. У меня возьмет.

Тогда я понял, что просто сошел с ума.

Я сошел с трамвая на Арбате. Пушкин поехал дальше.

Профессор Баженов тотчас принял меня...

— Вот что, молодой человек, или я вас посажу сейчас же в психиатрическую больницу, или вы немедленно бросите кокаин. Сейчас же!

Он засунул руку в карман моего пиджака и, найдя баночку, швырнул ее в окно...

Я вышел. Все было ясно...

И — все.

Всё! Понимаете?! Страх было так достаточно, что с жуткой своей привычкой артист покончил навсегда!

Нет, разумеется, если есть сила воли плюс характер, то — исползать вам — завязать.